

8. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Ведение в интерпретативную социологию. СПб., 1999.

9. Lakoff R., Shcherf L. Face value: The politics of Beauty. Boston: Routledge. 1998.

10. Skeggs B. A good Time for women only //Deconstructing Madonna. London: B.T. Batsford. 1993.

11. Thompson C.J., Haytko D.L. Speaking of Fashion Consumers //Journal of Consumer Research. №2.

В.И. КРАСИКОВ

г. Кемерово

РОЖДЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основа индивидуального человеческого присутствия, сам присутствующий, предстает в Я и как Я. Само Я чрезвычайно трудно однозначно-определенно, статично зафиксировать в понятиях или образах. Настолько оно многоявленно в разных обличьях, объединяя собой психику-сознание, представляя собой кооперативный или системный эффект от взаимодействия многих, может более простых способностей: воли, чувств, внимания, памяти, воображения, мысли, эмоциональных состояний. Причем объединяет, сплавляет все это в нечто всеприсутствующее – в самопрезентацию.

Вряд ли правы философы, стремящиеся однозначно определить Я, как и те, кто отказывается говорить об особом статусе "я" в человеческом присутствии. Я не первородно, не является исходной аутентичностью, с самого начала присутствующей в глубинах сознания. В некоторых сознаниях оно может сформироваться в результате напряженных жизненных усилий. Поиск рождает искомое. Как у Декарта, нашедшего свое Я и четко концептуализировавшего тем самым аналогичные самоидентификационные усилия таких же, как и он.

Однако Картезий приписал опыт немногих всем, что неверно. Большинство получает определение своего Я, выглядящего впрочем для конкретного человека как "само-", извне, от других, от социума. Роль, функция, маска – это тоже Я, Я многих. Заемность Я, его функциональность столь же очевидны, как и прецеденты мучительства действительного идеалистического самопорождения биографической последовательности образов Я.

Однако миф о неком эзотерическом, подлинном Я любезен сердцам многих поколений философов. Идея аутентичного Я сообщает смысл не только любому человеческому существованию, но в особой мере

философствующему сознанию, всегда более амбициозному в собственной оценке. Его основной порок заключается в том, что оно ищет определения Я в сфере же преимущественно сознания, в сфере мысли, игнорируя, освобождаясь работой абстрагирования от других жизненных значений, представляющих психоэмоциональные состояния либо телесные ощущения. В итоге философствующее сознание приходит к «чистому» и совершенно бессодержательному Я = Я, абстракции, которую невозбранно можно приписать любому, но понять, схватить ее в какой-то определенности, вне каждый раз интимно-конкретного и известному только этому-вот сознанию, содержания невозможно. Вероятно, это одна из наиболее паразитических философских абстракций.

Присутствует она отчасти и в урвневой модели Я, суть которой заключается в том, что Я не фиксированно, а находится в состоянии трансакции (активного взаимодействия на «встречных курсах») своих прижизненно сложившихся уровнях. Однако коль есть сами обозначения Я и «урвней», то неявно, скрыто здесь содержится опять-таки идея о некой имманентной самождественности, качественности, которая-то и «перемещается» с урвня на уровень, выполняя роли, одевая маски, входя в специфические состояния урвня. А значит снова возникает соблазн очищения Я от матриц, шифров урвней. Соблазн поймать в очередной раз золотую рыбку Я.

Более удачна, на мой взгляд, метафора *трансформа* Я, Я как конструктор, понятие есть абстракция философов, которая акцентирует момент постоянства сохраненного, себетождественности по мере накопления памяти индивидуального проживания. Я философов – Я зрелых сознаний. Однако акцентирование момента стабильности заслоняет первую, витально более насыщенную половину жизни. Мудрость зрелости и старения высокомерно откидывает мудрость детства и юности. Между тем последняя первична. Первична и в индивидуальной, и в общечеловеческой истории.

Первично Я как эмпатирующее чувство. Оно более адекватно и чутко выражает постоянное волнение и беспокойство, радость существования, желания, надежды и страхи иррационального, исконно-животного, видového в нас – глубиной изначальной и финальной точки движения сознания. В отличие от рационализирующегося Я, которое создает некую дистанцию между собой как неким инвариантом запомненных сохраняющихся реакций, настроений, желаний и собственно поведенческими урвнями. Эта-то дистанция и скрывает основную

особенность Я как такового, которая не является особой сущностью, пребывающей и отличной от остального содержания сознания. Я принципиально многоформно: один и тот же человек в разные периоды может быть и ищущим добродетелей и циничным развратником, несколько раз меняться в течение своей жизни. Лишь память создает иллюзию постоянства Я. На деле же мы меняемся, особенно в смене основных экзистенциальных видовых состояний: детство-юность-зрелость-старость.

Но всегда сохраняется основное качество Я – *соединять* переливы видового богатства посредством «логики оборотничества». Все превращается во все: «я» действительно становится на время тем, что владеет человеком, чем является в данный момент человек. Это затем, в рефлексивном возвращении, в полагаемой дистанции, Я-в-памяти, когда как бы на время останавливается жизненный процесс, появляется и начинает себя мнить особой сущностью, тем, кто надо всем, над игрой – это самое «чистое Я».

Но Я и есть игра, игра жизни. И Я ребенка либо примитивного взрослого человека («дикаря») непосредственно выражают эту логику оборотничества.

Через индивидуальное Я и есть мир для человека – явь или «Я-в-...», где многоточие выражает способность стать чем-угодно. В эмпатии – ключ к пониманию сути Я. Эмпатия и есть искомая трансцендентальная апперцепция или всеобъединяющее, всепронизывающее чувство, создающее поле опыта человека, экзистенциальное поле его проживания.

Моя жизнь есть Я потому, что я становлюсь тем, чем я живу, воплощаюсь, оборачиваюсь, кем я хочу. Единственное инвариантное, общечеловеческое – это сама способность *трансформности*: быть многим-иным и способность *эмпатии*: понимать-воплощаться в многих-иных. Подобные способности являются, по-видимому, следствием эксперимента деспециализации, по крайней мере, у части homo sapiens.

Но история цивилизации, развития индивидуального сознания базируются на переходе от логики оборотничества к логике правил и фиксации определенностей. Чем дальше, тем определеннее, фиксированнее становятся позиции, оценки, мнения, роли – в общественном и индивидуальном сознании. Это развитие прекрасно отражает и иллюстрирует известная ролевая теория Я, выражая результирующие итоги «созревания я». Пожизненное определение содержания Я означает постепенное исчерпание-реализацию видового потенциала, всегда существующего только в индивидуально-штучном исполнении. Сама

трансформность личностно-исторична, возможности эмпатии находятся в зависимости от степени обособления Я: от психо-телесной жизни и контингентности. Она непосредственна, достоверно-ясна у детей, дебилов, лиц с богатым творческим воображением и исчезает в случае односторонней рационализации, ригидизации Я.

«Я-в-теле» или телесные самоуверения. Телесные самоуверения имеют свою историю – и в индивидуальном и в видовом форматах. Древний и ребенок, как известно, не дифференцируют психическое и телесное, «растворяют» тело в своих психических переживаниях. Можно говорить о первородстве в человеческом развитии трансформизма и эмпатии. Взросление означает ту или иную степень обособления Я, откавычивания его от остального контекста. Тогда-то и возникает «явленность», фундаментальная особенность значений яви для сознания, достигающая своего максимума в формате автономизировавшегося, зрелого Я. Философы выразили отношения развитого самосознания к своему телу в виде идеи «психофизического параллелизма»: в человеке есть две практически независимые друг от друга субстанции – тело и душа. Тело – биоавтомат, живущий по своим настройкам, душа – по своим.

Думаю, что удовлетворительно-правдоподобное объяснение следует искать в пространстве между позицией непосредственности психического самоотождествления с телом и картезианской позицией.

Следует отметить: обе они выражают нечто необходимое в антропологическом отношении. Ранняя стадия всегда и везде присутствует в человеческом развитии. Стадия душевной зрелости, внутреннего культивирования – довольно редка, далеко не обязательна для всех. Но ее необходимость заключается в ее функции идеализации человекообразности. Проще говоря, люди со зрелым личностным сознанием – масштаб homo sapiens. Мы меряем себя, других людей по ярко выраженным образчикам человеческого, прежде всего «экстремалам сознания».

Обе позиции: самоотождествления с телом и, напротив, снисходительной аристократической терпимости к телу со стороны Я, не только оправданы, но и выражают значения яви – в формате «нахождения Я в теле».

Наблюдения над собой-телом и собой-душой, рефлексия над жизненным расписанием, приводят к некоторым констатациям.

1. Тело живет своей жизнью, не подчиненной сознанию. Конечно, в наших силах как-то регламентировать жизнедеятельность тела, но мы не в силах определять направление его развития, ритмику, запрограммированные стадии и события физиологии. Если положить жизнь на попытки овладения новыми нестандартными ресурсами контроля, то можно конечно достичь некоторых успехов, типа йоги. Но плата за это высока: жизнь сознания.

2. Большую часть своего проживания наши Я зависимы, обслуживают свои тела. Я – ориентационно-исследовательская система, *модус* тела, вообразивший себя субстанцией. Я связано со своим телом, через него, в нем живет, имеет место быть. Само осознание характера отношений Я с телом проходят три стадии: от отождествления с телом (детство) – к чувству хозяина (юность, зрелость) – к чувству постояльца (старость).

Я действительно «находим» в теле, изначально слито с ним, обнаруживая это по мере самоотличения-самообособления, в ходе которого и возникают проблемы определения: что «внешне» – приходит к нам «извне» через органы чувств, а что «внутренне» – порождено деятельностью органов чувств, внутренних органов организма, рефлексией. Гносеологическая практика и рационализма, и эмпиризма показала, что отличия «внутреннего» и «внешнего» довольно условны.

Подобная относительность производна от *самопредставительского* характера «отдельного живого», окружение являемо сознанию посредством его же тела. Изначальная *естественно-телесная укорененность* самопредставительства порождает имманентную индивидуализированность значений яви, которая с разной степенью успешности нивелируется социальностью или синхронизацией сознаний.

Итак, помимо того, что тело и психика каждого отдельного человека продуцируют общие, сходные значения мира, они делают это каждый раз на особый манер: придавая этим значениям «свои» характерные внутренние связи, конфигурации. Это порождает важнейшее следствие – исходную разность онтологических аранжировок «картин мира», представлений об основных смыслах мира. Плюрализм значений мира укоренен, таким образом, антропологически. Однако он не состоит в безграничности: сколько людей, столько и мнений. В основном речь идет о вариациях в рамках некоторого набора антропологических типов, отличимых, прежде всего органическим устройством, которое, однако,

оказывает невидимое обще-корректирующее влияние и на характер эволюции сознания.

Каково будет Я зависит во многом от изначальных условий роста его из первозданной слиянности с телом (я-в-теле). Я, конечно, высшая структура, но энергия, на которой существует и расцветает эта структура, даваема, продуцируема психофизиологической организацией тела. Эта энергия сублимируется Я в свои высшие продукты. Если нет жизненного напора, соответствующего жизненного тонуса, волевого напряжения – невозможно развитие Я уже в собственно его сфере.

Людские организмы отличимы друг от друга конститутивными особенностями пожизненного поддержания активного тонуса существования. Некоторые психофизиологически, врожденно способны жить в режиме повышенной самовозобновляющейся активности, быстрее восстанавливаться и обновляться. В других, напротив, заложены уже объективно, т.е. телесно, низкие параметры жизненного напряжения. Это как моторы исходно разной мощности или разные по продуктивности породы животных.

Именно различия в стилях существования, определяемые природной благодатью, порождают ключевые различия в смыслах. Существование сознания порождает смысл, но само существование изначально антропологически диверсифицировано. Представление о «чистом сознании» есть выражение попыток трансценденций радикально настроенных, культивирующих себя его. Реальное сознание есть каждый раз «дух», подпитываемый качественно определенной по объему жизненной силой, которая естественно-интенционально форматирует развивающееся сознание в координатах неких общих вкусов, предпочтений.

«Я-в-памяти» или материалы существования. Итак, Я – трансформ. Хотя оно присутствует, пропитывает собой всю человеческую активность, у него есть своя «вотчина», локализация, где Я может пребывать в созерцании своих «чистых форм» – это память. Хотя Я всеприсутствует, являясь всеобъемлющим, есть место, где оно может себя «собрать» полностью, место, где Я может себя обзреть.

«Полное Я» требует серьезного самососредоточения, самоконцентрации и демонстрирует себя достаточно редко, если не сказать никогда. Чаще всего, в большей части жизненного спектра имсее место быть неполное, функционально привязанное к «злобе дня», проявление «я».

Материалы существования пребывают в памяти, «мир» конструируется из них, из памяти. Причем «будущее» пребывает в памяти так же, как и «прошлое». Будущее – надежда, предвещение ожидаемого, которые «ткуются» опять-таки из знакомого: я знаю-надеюсь, что будет так-то и так-то, т.е. я знаю и уже *помню*, что будет.

Я пребывает в своей чистой, т.е. мысленной форме именно в памяти. В повседневной жизни Я волит, алкает, переживает, представляет, находится в каком-либо эмоциональном состоянии. Рассуждает же, мыслит, обстоятельно определяет «себя» и окружающее в некой стабильности отвлечения от забот, в некой внутренней обстановке уже сохраненного, фиксированного – в памяти.

Собственно мышление и возможно в искусственной паузе отвлечения среди жизненного потока; в последовательности удержаний-возобновлений результатов отвлечений и чистой мыслительной деятельности. Память – не склад знаний и впечатлений. Это одновременно и лаборатория, и собственно «новый мир», который создает с разной степенью успешности, интенсивности любое сознание.

Разрастание памяти в наборе годов пребывания – антропологическая закономерность. Одновременно это освоение-определение окружающего, доступного человеку мира. Освоение-определение не синоним познания в его гносеологическом смысле. Освоение-определение и соответствующее разрастание памяти означает знакомство и понимание основных смыслов окружающего и себя в их контексте. Я и может только получить собственную определенность на фоне чего-то другого определенного, с необходимостью вызывающего доверие, приятие. Я узнает себя в своей деятельности, отношениях с окружающим, которое получает определение. Все это и есть память, материалы существования, из коих складываются значения «мира» и Я.

Как формируется Я в памяти? Нельзя говорить, что «сначала» есть материалы, а «потом» из них формируется Я. Я зрелого человека и Я младенца едины в чем-то главном, потому «я» и формируется «из», но оно же и формирует сразу же, с самого своего начала само свое содержание «под себя». От природы, генетически есть сразу некий основообраз Я.

Сама память, материалы существования создаются во многом сразу «под себя» – тем Я, которое еще смутно, неопределенно, но *сразу характерно* и в этом плане уже готово для отбора в бесконечности значений окружающего социального мира для именно характерного потом сооружения: дома для этого-вот Я. Кем будет человек, где себя проявит

или совсем не проявит – это все равно, главное: «кто это». Это же «кто» или характерный психологический профиль, в общем-то, уже определен непредсказуемостью генетической игры. Люди привыкли оценивать за «что-то»: что сделал – не сделал, а «прокопчил небо». И это, наверное, имеет смысл. Но для «я» человека, его яви это безразлично, поскольку все экзистенциально равны.

«Кто это», Я начинает поиск-создание себя сначала безотчетно, что не мешает ему исходно эффективно фильтровать впечатления и чувствования для «своих материалов». Мы сами безотчетно создаем то, к чему потом будем уже сознательно стремиться и находить: кто ищет, тот обрящет.

Разумеется, и судьба, и социум, и собственные сознательные усилия способны *серьезно корректировать* деятельность, ценностную форму проявления «основного жизненного профиля» и социокультурный материал соответствующей ему «картины мира», но никогда не изменят его на нечто противоположное или отличное.

Итак, спонтанно-естественное Я или «Я-еще-в-себе» безотчетно избирательно формирует свою память, свое прошлое и свое будущее, свои же материалы существования, свою же очевидность, свой опыт, свои критерии верификации своих же утверждений. Неудивительно потому вера и убежденность людей в свои жизненные постулаты и принципы – они действительно «подтверждаются» соответствующе безотчетно подтасованным миром. Человек может заниматься в какой угодно области общественной действительности, но везде он будет видоизменять ее смыслы под свой жизненный стиль.

Память, таким образом, есть устойчивый базис яви, мира отдельного человека, индивидуальной реальности именно вследствие, во-первых, своей пожизненной устойчивости, и во-вторых, своего родного для «я» характера, «я-образности». Это доверенное, проверенное, сформированное мною же, и, вместе с тем, имеет для меня сильнейшую видимость объективности: «я» это пережил, испытал, запомнил «как оно есть». «Я» не отдает себе отчет в том, что это «как оно было» всегда с маленьким неизменным добавлением «для меня». Потому-то, как резонно указывают экзистенциалисты, «бытие» всегда будет соответствовать характеру вопрошания о нем. Добавим, соответствовать антропологическому жизненному профилю вопрошающего, а не дурной множественности миллиардов сознаний.

Говоря о безотчетном формировании в памяти «материалов Я», мы имеем в виду безотчетность волевого усилия запоминания. Мы схватываем, прежде всего, занимающее нас – по предпочтениям характера и пола. Не все новое впечатляет нас, а лишь новое, соответствующее рисунку наших склонностей. Привилегированно запечатлеваются наши оценки, реакции, равно как и действия, реакции других, *задевающие* нас, те значения, смыслы, которые в потоках информации, которые подтверждают, укрепляют нашу «естественную метафизику», или же сильно диссонансируют ей – тогда включается апологетика разума.

Это, однако, не означает, что не происходит и какой-то регистрации материала, идущего в режиме «фона», неинтересного или «нейтрального» для нас. Осознание есть осознание – запечатлевается и он, правда без яркости фотовспышек интереса волящего внимания. Это-то материал играет особую роль в формировании нашего alter-ego – рефлексивного, отстраненного Я. Подобная "объективная" смысловая среда, находящаяся на периферии владений естественного владыки Природного Характера и является опорой для возможного самостоятельного духовного развития, перерождения, когда возможно *рациональное перереформатирование* естественно-психических конфигураций. Довольно затруднительно квалифицировать это явление.

С одной стороны, человек, его Я вроде бы остаются прежними по психическому складу, но с другой стороны происходят существенные изменения параметров самоконтроля, рациональности, целеустремленности, уверенности, смыслообеспечения. Тем более, что это перерождение или второе рождение случаются, как правило, в жизненном среднерубежье, и времени всегда остается не так много, чтобы могло *дальше* произойти что-то уж совсем радикальное.

Рациональное перереформатирование некоторых Я становится возможным благодаря рефлексии. Рефлексия и возможна как зазор между материалами существования сознания, памяти. Как *отношение* между «моими» жизненно-профильными и «объективными», протокольными материалами существования. Отношение внутри осознанного, запомненного, мыслительного бытия. Там и возникает «Я мыслю». Как это происходит трудно сказать. Я едино усилием мига настоящего, а вовсе не вычурно-философской мыслительной абстрактной самождественностью. То есть соединяет в безотчетную, спонтанную цельность Я сам миг проживания, каждый раз практическая забота безотлагательности действия, реагирований. Это потом мысленное прослеживание

сериальности этой целеустремленной жизнедеятельности, в философской паузе абстрагирования выделяет некое художочное Я=Я.

Таким образом, именно настоящее, его всегдашняя мгновенность сообщает свои качественные признаки и цельность Я. Эта целостность также неощутима, не поддается фиксации теоретического схватывания в понятиях, этих фрагментах, темпоральных формах «прошлого». Прошлое, память – фильтрованное, устойчивое, самоартикулированное в остановке среди шумного жизненного бала. Именно здесь, у «зеркала прошлого» цельность Я рассыпается на десятки осколков, аспектов, способностей, состояний того же Я: волевое, эмоциональное, оценочное и рефлексивное Я. Потому рефлексия и крепнет по мере взросления, набора памяти: пристрастной и «объективной».

Итак, память о собственном Я, материалы существования последнего, образуют собой ядро, основной массив памяти. Память потому в основе своей эгоцентрична, активна, избирательна. Рефлексия, критичность и отстраненность возникают «по краям» «Я-в-памяти». Рефлексия обтачивает основной блок памяти, может разъесть его, даже саморасщеплять, порождая «двоецарствие».

П.В. ВЕКЛЕНКО

г. Омск

КОНСТРУКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД

В современных условиях проблема идентичности является крайне актуальной – процесс формирования единого экономического и информационного пространства, а также популяризация идей, образующих духовную атмосферу постмодерна, не могли не отразиться на идентичности человека как в аспекте его идентификации (нравственной, национальной, религиозной, профессиональной), так и в плане его способности действовать в рамках того образа или норматива, с которым личность так или иначе себя отождествляет. Первый «срез» проблемы целесообразно обозначить термином «идентификация личности» оставив все без изменений, второй – термином «целостность личности» как *способность следовать идеалам или принципам деятельности, выработанным в процессе социализации.*

Представляется необходимым внести некоторую ясность: *идентификация личности как усвоение образцовой модели поведения есть результат преодоления уникальной ситуации, зафиксированной общественным сознанием.* После закрепления того или иного